

АЛЕКСАНДР СЫТИН

Самоликвидация Европы: последнее предупреждение

Европейской цивилизации предрекали крах со второй половины XIX века. Ф. Ницше и О. Шпенглер, Х. С. Чемберлен и А. Д. Тойнби, С. Хантингтон, П. Дж. Бьюкенен и Ф. Фукуяма. Вероятно, всякий путь, берущий начало в духовных высотах античной Греции и государственной мощи Рима, должен иметь свое завершение. Возможно, ныне живущим выпало присутствовать уже даже не при закате и сумерках, но действительной кончине европейской цивилизации.

В отличие от упомянутых предшественников, автор книги, о которой пойдет речь, — не культуролог, не философ и не историк. Он — чиновник, опирающийся в своих рассуждениях не на историософские построения, а прежде всего на статистические материалы, количественные показатели социологических исследований и результаты психологически-образовательного тестирования. Жанр книги можно определить как науч-

Т. Саррацин. Германия. Самоликвидация. Смертельный приговор Германии уже вынесен. Пер. с нем. Т. Набатниковой. М., Издательство «Рид Групп», 2012. 400 с. (Серия «Political Animal» [«Политическое животное»]).

ное описание текущей ситуации. Т. Саррацин вовсе не ставит перед собой задачи пугать читателя апокалиптически-цивилизационными пророчествами. Он «всего-навсего» анализирует ситуацию в современной Германии, не поднимаясь на уровень общеевропейских обобщений. Он даже находит положение у европейских соседей — Франции, Великобритании, Швейцарии — более благоприятным (см. С. 188—189). Но, может быть, именно из-за поставленной автором исследования нарочито «ограниченной» задачи, объективности и «сухости» изложения книга читается на одном дыхании, а выводы вызывают большую

тревогу, чем любые философско-исторические штудии апокалиптического плана.

Главное, что старается донести Т. Саррацин до читателя, — мысль о том, что Европу погубят не внешние угрозы и даже не экономические неурядицы, но политкорректность, толерантность и собст-

СЫТИН Александр Николаевич — ведущий научный сотрудник Российского института стратегических исследований (РИСИ), доктор исторических наук.

венная социальная политика. Первые две черты европейской жизни последних десятилетий, наряду с мультикультурализмом, по мнению пишущего эти строки, принадлежат к наиболее отвратительным чертам общественно-политической жизни современности. Родившиеся на базе выдвинутых Просвещением идеалов свободы, политкорректность и толерантность, подобно раковой опухоли, опутали все стороны современной европейской жизни. Подлинный либерализм, со времен Ренессанса провозглашавший торжество сильной творческой личности, вопреки общественным ограничениям и суевериям стремившейся к саморазвитию и прогрессивным переменам в окружающей действительности, выдвигавший своим главным лозунгом «laissez faire, laissez passer»¹, сменился терпимостью именно к тем факторам, которые уничтожают деятельную, самостоятельную, творческую личность, а идея прогресса трансформировалась в оголтелую пропаганду отвратительных пороков духовного mainstream'a (см. С. 30—34).

Проявлением этого общего бессилия стала политика угодничества перед «электоратом», чьи усредненные потребности и бесконечные требования социальных подачек, развращающих как его самого, так и власть имущих, стали определять картину повседневной политической жизни. Когда-то так начинался упадок великого Рима (см. С. 27—29). В прошлое ушли фигуры выдающихся национальных лидеров, в их кабинетах воцарилась ее величество посредственность, неспособная хоть сколько-нибудь подняться над серой повседневностью и удовлетворением примитивных инстинктов. Изначальное равенство возможностей, означавшее проницаемость социальных слоев и возможность *up lifting'a* для наиболее одаренных представителей «низов», превратилось в тезис об абсолютном тотальном равенстве всех человеческих существ, независимо ни от каких факторов и обстоятельств. Тем самым, отмечает Т. Саррацин, создается система отрицательного отбора, когда общественные и образовательные критерии ориентированы не

на сильнейших и лучших, а на средних и неспособных — ведь у них тоже есть неотъемлемые права (см. С. 145). При этом попытки обсуждать какие-либо вопросы социального неравенства, кроме неравенства в доходах, тотчас объявляются неpolitкорректными, а авторы, поднимающие эти вопросы, обвиняются во всех смертных грехах и подлежат «изгнанию из приличного общества» (см. С. 13—24).

Т. Саррацин нашел в себе мужество заявить об изначальном и непреодолимом интеллектуальном неравенстве в человеческой популяции. Ссылаясь на многочисленные исследования, он констатирует, что до 80 процентов умственных способностей передаются по наследству и лишь остальные 20 процентов дополняются воспитанием и образованием (см. С. 201—202). Это означает, что и при условии максимальной проницаемости социальных страт и равенстве образовательных возможностей лишь немногие выходцы из слоев, занятых неквалифицированным трудом, а также не занятых вовсе никаким трудом жителей трущоб или обитателей благотворительного социального жилья имеют шансы повысить собственный социальный статус (см. С. 202—203).

По заключению Т. Саррацина, потребность в неквалифицированном труде в экономически развитых странах неуклонно сокращается (см. С. 60—71, 140, 149). Производство — то, что у нас принято называть «реальным сектором экономики», перемещается в Азию. По мере роста уровня образования местного населения туда же будут смещаться и центры разработки новых технологий. Монополия «западного мира» на управление финансовыми потоками также рано или поздно сменится конкуренцией транснациональных валют, занимающих господствующее положение в том или ином крупном, тяготеющем к интеграции и решению общих задач регионе со сходным уровнем экономического и социального развития. На смену управлению производственными и технологическими, а теперь и финансовыми потоками приходит управление потоками информационными, а на смену постиндустриальному обществу — общество информационное. Это прекрасно понимают США, где деятельность «Apple»

¹ «Не мешайте, дайте пройти» (*фр.*).

и «Microsoft» подготавливает почву для будущей монополии в мировом информационном пространстве, а значит, и для тотального контроля над большинством сторон современной общественной жизни. Из европейских стран это, судя по всему, хорошо понимают в Финляндии, на положительный пример которой много ссылается автор книги «Германия: самоликвидация».

Отличительной же чертой людей, не обладающих достаточным интеллектом, образованием и профессиональной подготовкой, является неспособность к восприятию, обработке и трансляции потоков информации (см. С. 78, 174—180). Попробуйте, не обладая высшим математическим образованием, сутки спустя воспроизвести слышанный вами профессиональный разговор двух математиков, и вы с легкостью поймете, о чем идет речь. Тем самым люди, неспособные в самом общем смысле работать с информацией, неизбежно вытесняются на обочину трудовой и общественной жизни, обрекаются на постоянную, по словам Т. Саррацина, социальную фрустрацию (см. С. 112—116, 131). Заметим при этом, что речь идет вовсе не о крошечной нищете. Социальные программы позволяют этим людям поддерживать уровень достатка, необходимый для удовлетворения первичных потребностей. При этом, по меткому наблюдению Т. Саррацина, непременной принадлежностью быта этих слоев является наличие TV-панели в детской комнате, чего чаще всего не наблюдается в семьях с высоким уровнем образования и достатка (см. С. 74).

По мере роста числа лиц, неспособных к получению высокого уровня образования, а значит — неизбежно пополняющих ряды социальных иждивенцев, годами и целыми семейными кланами не находящих себе работы, да и не желающих работать (см. С. 252), а предпочитающих жить на социальное пособие, растет нагрузка на расходные статьи государственного бюджета (см. С. 36—37). Растут налоги, а значит, падают реальные доходы квалифицированных работников, вынужденных фактически за собственный счет содержать эту абсолютно инертную, агрессивную, антисоциальную и некультурную массу.

Положение осложняется тем, что в этих слоях коэффициент рождаемости трех-четырекратно превосходит аналогичные показатели образованных семей, в которых женщина, как правило, гораздо позже выходит замуж. Соответственно, для рождения детей у нее остается меньше времени, чем у девушек, например, в мусульманских семьях, которых насильно выдают замуж в возрасте примерно 15 лет и вся общественная функция которых сводится к воспроизводству себе подобных (см. С. 84—85). Многочисленные государственные программы материального стимулирования рождаемости с прогрессивной выплатой пособий на каждого последующего ребенка лишь поощряют рост числа социальных иждивенцев, неспособных и нежелающих интегрироваться в трудовую жизнь (см. С. 135). Многие семьи и матери-одиночки пользуются такой политикой «социального государства», фактически превращая деторождение в вид бизнеса — способ получения нетрудового дохода, не сопровождающегося даже усилиями и затратами на социализацию, образование и тем более воспитание своих отпрысков (см. С. 95—97, 134).

Предвидя обвинения в расизме и даже нацизме — самое страшное обвинение в современной Германии, Т. Саррацин тщательно дистанцируется от всякого рода национальных и расовых обобщений. Тем не менее статистические данные, на которые он опирается, неумолимо свидетельствуют, что наиболее проблемными в этом отношении являются придерживающиеся традиционалистско-мусульманского образа жизни выходцы из Турции и Палестины, пользующиеся программой воссоединения семей для расселения на территории Германии своих многочисленных родственников (см. С. 277). Уровень интеллекта и образования в этой среде обратно пропорционален силе господствующих традиций, а все расходы по воспитанию сводятся к почти круглосуточной работе телевизора, транслирующего по спутниковой связи передачи «родных» национальных телеканалов (см. С. 139, 252).

В результате такой политики, направленной на поддержку рождаемо-

сти, воспроизводятся в геометрической прогрессии (по Мальтусу), размножаются миллионы социальных паразитов с атрофированной волей, неспособных к любому систематическому труду, привыкших получать все блага за счет общества, законы и нормы которого они с юных лет привыкли презирать (см. С. 102, 316). Традиционалистское воспитание делает из девочек машины для воспроизводства низкосортного человеческого материала (в противовес понятию человеческого капитала), а из мальчиков, воспитанных на традициях воинственной мусульманской мужественности, — ущербных в социальном отношении, агрессивных, с криминальными наклонностями субъектов, способных лишь к поджогу автомобилей, воровству в супермаркетах и базирующемуся на законах шариата домашнему насилию над женщинами (см. С. 254, 257—258, 260—261, 266).

Т. Саррацин предупреждает, что продолжение подобной социальной политики неизбежно приведет к вытеснению способных к цивилизационному и культурному развитию коренных этносов, являющихся носителями истинных культурных традиций и интеллекта. В результате

к середине текущего столетия уцелевшим представителям этой цивилизации вместо произведений Бетховена и Баха придется довольствоваться заунывными воплями муллы с минаретов, окружающих превращенный в мечеть Кельнский собор (см. С. 235—236, 270).

В заключение надо отметить, что посвященная ситуации в Германии книга Т. Саррацина безусловно актуальна для всех стран христианской цивилизации, ныне испытывающих беспрецедентное давление со стороны чуждых этносов, конфессий и традиций. К относительно слабым местам книги следует отнести достаточно беспомощные рекомендации по преодолению сложившейся критической ситуации. К тому же даже эти достаточно невинные корректировки политики социального государства вряд ли возможны в современной демократической, политкорректной и толерантной Европе, где политики лишены подлинной воли, а всю энергию тратят на демагогические призывы с целью обеспечить возможно большее число голосов избирателей. О том, кто в скором времени составит это большинство, и предупреждает книга Т. Саррацина. ◆